

УДК 323.225

Шишлин П. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, Российская Федерация*

ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАКЕ 2015–2019 ГГ.

АННОТАЦИЯ

Целью работы выступают выявление причин возникновения протестного движения в Ираке и определение перспектив его развития.

Процедура и методы исследования. Автор анализирует зарождение и развитие протеста, используя теорию депривации Т. Р. Гарра, а также современную фактологическую и статистическую базу. Применяются системный, сравнительный, социологический методы.

Результаты исследования. Анализ показал, что источниками депривации в Ираке стали социально-экономические проблемы, недовольство которыми граждане обратили в адрес представляющей им коррумпированной и неэффективной политической системы.

Практическая значимость. Автор делает прогноз о перспективах протестного движения и рассматривает возможные пути разрешения проблем иракским правительством.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Ирак, протест, относительная депривация, коррупция, Басра

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Причины возникновения протестного движения в Ираке](#)

[Развитие протеста после 2015 г. и его перспективы](#)

[Заключение](#)

P. Shishlin

Lomonosov Moscow State University

11 str. 1 Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation

REASONS AND PROSPECTS OF THE PROTEST MOVEMENT IN IRAQ 2015–2019

ABSTRACT

The purpose of the article is to identify the causes of the emergence of the protest movement in Iraq and its prospects.

Methodology and Approach. The author analyses the beginnings and the development of protests using T. R. Gurr's deprivation theory and up-to-date factual and statistical data. Systemic, comparative and sociological methods are used.

Results. The analysis has revealed that deprivation in Iraq is caused by the socioeconomic issues, and the discontent was directed at the political system which is deemed corrupt and ineffective.

Practical implication. The author tries to predict the prospects of the protest movement and suggest ways for Iraqi government to resolve the issues.

KEYWORDS

Iraq, protest, deprivation, corruption, Basra

ВВЕДЕНИЕ

В 2015 г. в городе Басра на юге Ирака, центре нефтяной промышленности страны, возникло протестное движение, распространившееся затем на другие шиитские провинции и столицу Багдад. Массовые акции протеста приобрели регулярный характер и начали оказывать дестабилизирующее влияние на государство, и так ослабленное противостоянием с террористами «Исламского государства»¹. Проблема остаётся актуальной на протяжении четырёх лет, однако мало исследована в научной литературе, в особенности в российской.

В связи с этим задачей настоящей работы является анализ протестного движения в Ираке с целью установления причин его зарождения, определения характера его развития вплоть до октября 2019 г. и дальнейших перспектив. Предпринимается попытка спрогнозировать влияние протестов на иракскую политическую систему и представить рекомендации правительству страны по преодолению кризиса.

В качестве теоретической базы данного исследования автором выбрана концепция «относительной депривации» Т. Р. Гарра, изложенная им в книге «Почему люди бунтуют?» [1]. Большое значение в раскрытии темы имеет и исследование С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах» [8]. Среди российских авторов, исследующих проблемы лидерства и современной иракской политики, следует назвать Ю. В. Ирхина [3], С. М. Иванова [2], Э. О. Касаева [4], А. Б. Подцероба [5], Н. А. Филина и М. Г. Пилюн [7];

¹ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

М. А. Сапронову [6]. Значительный интерес представляет доклад иракского социолога Ф. А. Джабара, содержащий результаты социологических опросов и статистические данные [9].

В настоящем исследовании были применены системный, сравнительный и социологический методы.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИРАКЕ

В концепции американского политолога Т. Р. Гарра источником политического насилия (бунтов, мятежей и т. д.) является относительная депривация – воспринимаемое индивидом расхождение между ценностями (материальными, политическими, статусными), на которые он претендует и которые может получить существующими социетальными средствами. Нарастание относительной депривации, в понимании Гарра, приводит к неудовлетворённости индивида своим положением, его фрустрации, которая становится стимулом к насилию в отношении политической системы [1, с. 51–52]. Предпримем попытку выявить признаки относительной депривации в иракской ситуации.

Рассмотрение современного протестного движения в Ираке следует начинать с июля 2015 г., когда в южном городе Басра группа местной молодёжи провела спонтанную акцию перед басрийской электростанцией из-за очередного отключения электричества, что мешало использовать приборы для охлаждения воздуха в жару. Жители сталкивались с перебоями подачи электричества регулярно на протяжении последних лет, а также отмечали нехватку и плохое качество питьевой воды из-за загрязнения водных ресурсов (при том что в XX в. город называли «Венецией Востока» за его развитые водные каналы). Провинция Басра при этом являлась центром иракской нефтедобычи, принося стране до 80 % её дохода, что побуждало жителей рассчитывать на обеспечение государством более достойных социально-экономических условий. Басрийцы также сталкивались с безработицей: трудоустройство в нефтяной отрасли было осложнено несоответствием качества образования иракских специалистов требованиям иностранных компаний, работавших на месторождениях (лишь 10 % сотрудников на месторождениях были басрийцами)², а государство уже не справлялось с трудоустройством новых безработных в бюджетной сфере, и так являясь основным работодателем в стране. Таким образом, басрийцы сталкивались с нарастанием относительной депривации в категории материальных ценностей, так как с учётом доходов государства от недр провинции рассчитывали на лучшее обеспечение базовых услуг и на возможность достойного трудоустройства, но не могли получить ни того, ни другого.

На фоне нарастания депривации в городе гибель демонстранта при столкновении с полицией во время первой акции стала катализатором более масштабного политического насилия. Гарр отмечал, что «неадекватная

² Tonolli F. Basra, a Lost City // ARTE: [сайт]. [2016]. URL: <https://www.arte.tv/en/videos/070087-000-A/iraq-basra-a-lost-city> (дата обращения: 04.04.2019).

реакция» режима на выражаемые законным способом требования недовольных и непоследовательное применение к ним силы ведут к более демонстративному выражению протеста [1, с. 94, 442]. Сотни жителей стали проводить демонстрации рядом с администрацией Басры с требованием улучшения социально-экономической ситуации, а затем к протестному движению в знак солидарности присоединились другие южные и центральные города, включая Насирию, Кербелу, Наджаф и Багдад, так как нарастание депривации в Басре не было уникальной в масштабах страны ситуацией. Так, по данным ООН, более половины населения Ирака проживало в трущобах, сталкивалось с нехваткой электроэнергии, более 20 % граждан проживали за чертой бедности. Безработица по стране составляла 11 %, достигая 24 % среди граждан моложе 24 лет, и только 1 % экономически активного населения был занят в ключевой для экономики страны нефтяной сфере³.

В этой связи следует отметить, что падение мировых цен на нефть в 2014 г. до 30 долл. за баррель косвенно повлияло на возникновение протестного движения. Так как экономика Ирака зависела от продаж нефти, падение цен привело к сокращению бюджета и падению объёма ВВП после нескольких лет роста. Как отмечал Гарр, экономический спад «ускоряет насилие», особенно если «экономические ценности нерастяжимы, и люди живут близко к порогу существования» [1, с. 187].

Число участников протеста на протяжении лета – осени 2015 г. возросло, и в Багдаде достигло 800–900 тыс. участников в сентябре, когда к ним присоединились сторонники шиитского богослова и оппозиционера Муктады ас-Садра [9]. Численность демонстраций объяснялась масштабом депривации среди молодых граждан, которые составляли большинство населения после многих лет естественного прироста. Согласно опросам, проведённым иракским социологом Ф. А. Джабаром⁴, более 60 % участников протеста составили граждане моложе 30 лет, многие со средним или высшим образованием [9]. Именно среди этой категории граждан, как ранее отмечалось, был наиболее высок процент безработных, и части выпускников из-за невозможности найти работу по специальности приходилось работать на низкооплачиваемых должностях в сфере услуг. Это способствовало формированию относительной депривации в ценностях не только материального, но и статусного характера. Джабар также отмечал, что большинство протестующих были активными пользователями соцсетей, открытыми внешнему миру. Это позволяло говорить о том, что нарастанию депривации в их среде способствовало то явление, которое Гарр называл «показом новых образцов», т. е. возможность сравнивать своё социально-экономическое положение с си-

³ Country Profile // UN Iraq: [сайт]. URL: http://www.uniraq.com/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=941&Itemid=4&lang=en (дата обращения: 22.10.2019).

⁴ Проведены иракским социологом Ф. А. Джабаром в сентябре–декабре 2015 г. в Багдаде и южных провинциях, объём выборки около 3 тыс. человек.

туацией в развитых государствах Запада [1, с. 144]. Использование соцсетей также упрощало организацию демонстраций.

По утверждению Гарра, институтом, на который граждане склонны возлагать ответственность за социально-экономические проблемы, является политическая система [1, с. 240]. Спектр указанных ранее факторов привёл к выражению недовольства иракцами в адрес действующего с 2003 г. режима, центральным элементом которого является распределение властных полномочий по этноконфессиональным квотам (для шиитов, суннитов, курдов). Принцип считался в обществе источником коррупции и дисфункционального госуправления, в связи с чем основным призывом к властям стали отказ от квот и формирование правительства технократов – профильных специалистов, не связанных с партиями, организованными по этноконфессиональному признаку⁵ [9].

Американский политолог С. Хантингтон отмечал, что доминирующее значение интересов «семьи, клики или клана» при отсутствии эффективных политических партий способствует коррупции [8, с. 87], а квотирование фактически поощряло размежевание элиты по этноконфессиональному признаку ради получения группами гарантированной доли властных и финансовых ресурсов. Это способствовало развитию неформальных отношений в политике, мешало вертикальной мобильности и здоровой политической конкуренции. Агентство *Transparency International* отмечало, что коррупция в Ираке стала причиной «эрозии госинститутов» и падения уровня безопасности [9]. Захват террористами «Исламского государства» (ИГ) части страны в 2014–2015 гг. стал подтверждением слабости иракского государства.

По методологии организации *Fund for Peace*, Ирак на момент возникновения протестов соответствовал ряду критериев несостоятельного государства. В числе критериев были активность террористов, потеря государством территории, фрагментация элиты, возрастание роли нерегулярных вооружённых формирований, бедность, невозможность оказания гражданам основных услуг, возросшая вынужденная миграция⁶. В этой связи массовые демонстрации становились как следствием многих из этих проблем, так и новым фактором иракской несостоятельности.

РАЗВИТИЕ ПРОТЕСТА ПОСЛЕ 2015 г. И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Как отмечал Хантингтон, политическая элита в условиях протеста граждан выбирает путь либо подавления группы недовольных, либо признания её требований законными [8, с. 281]. На фоне поддержки протестующих духовным авторитетом иракских шиитов аятоллой Али ас-Систани, который ранее уже

⁵ Протесты при этом не носили окраски межконфессиональной борьбы, так как в них участвовали мусульмане-шииты и к той же конфессии принадлежали основные партии и, согласно квотам, премьер-министр страны. Сунниты опасались принимать участие в протестах.

⁶ Methodology // Fragile States Index: [сайт]. URL: <https://fragilestatesindex.org/methodology> (дата обращения: 18.10.2019).

выступал против «ливанизации» иракской политики [7], премьер Хайдер аль-Абади принял требования протестующих в качестве своей программы, однако из-за противоречий с парламентом не смог её выполнить. Как отмечал Гарр, повышение государством экспектаций депривированных граждан и последующий обман их ожиданий могут иметь «страшные последствия» [1, с. 169]. В иракской ситуации это привело к ожесточению форм политического насилия, в том числе к попыткам части демонстрантов штурмовать правительственную в 2016 г. «зелёную зону» в Багдаде, и падению доверия к элите [2].

Как отмечал Гарр, на развитие политического насилия влияют факторы баланса «коерсивного контроля» – соотношения возможностей силового воздействия со сторон демонстрантов и режима – и «институциональной поддержки» – соотношения уровня организации и сплочённости каждой из сторон. В случае перевеса этих факторов в пользу демонстрантов возрастает вероятность революционных событий, в пользу государства – беспорядков. Баланс этих факторов в Ираке чаще находился на стороне государства, но варьировался в различных ситуациях.

В Басре в 2018 г. после массового отравления жителей водой и прекращения подачи электроэнергии из Ирана из-за долгов Багдада виток протестов характеризовался интенсификацией насилия демонстрантов. Они подожгли офисы политических партий, иранское консульство и атаковали нефтяные объекты (в частности, крупное месторождение «Западная Курна-2», которое по контракту с иракским правительством разрабатывает российская компания «Лукойл» [4; 5]). Возрастание коерсивных возможностей демонстрантов, а также антииранская направленность акций спровоцировали силовой ответ местных отрядов шиитского ополчения, традиционно имевших связи с Тегераном, в результате чего более десятка граждан погибли. После этого местные силовики и ополчение наладили обмен данными и совместный контроль над активистами, что временно снизило коерсивные возможности протестующих в Басре⁷. Гарр отмечал, что максимальный надзор и последовательные санкции являются для режима выгодной стратегией [1, с. 442].

За обострением протеста в октябре 2019 г. в Багдаде стояли, наоборот, отсутствие такой координации и, соответственно, сниженный уровень коерсивного контроля силовиков в столице. Так, на мирную акцию в начале октября полиция ответила стрельбой⁸, что из-за непоследовательности такой санкции спровоцировало расширение масштабов протеста и беспорядки. Силовые структуры, в том числе ополчение, в целях коерсивного воздействия перешли

⁷ Mansour R., Robin-D'Cruz B. The Basra Blueprint and the Future of Protest in Iraq // Chatham House: [сайт]. [08.10.2019]. URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/basra-blueprint-and-future-protest-iraq> (дата обращения: 31.10.2019).

⁸ Cockburn P. The Iraqi people are in revolt // Independent: [сайт]. [04.10.2019]. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/iraq-protests-baghdad-adil-abdul-mahdi-revolution-a9142826.html> (дата обращения: 31.10.2019).

к фактическому подавлению протеста⁹, а также пытались повлиять на баланс институциональной поддержки, отключая интернет и заставляя телеканалы прекратить трансляцию акций. На фоне стремительной потери государством контроля над ситуацией и радикализации призывов протестующих вплоть до свержения режима часть элиты, а именно блок садристов в парламенте, отозвала свою поддержку премьер-министру Аделью Абдель-Махди, который сменил аль-Абади по итогам сделки победивших на выборах 2018 г. политических блоков. Российский политолог Ю. В. Ирхин отмечал, что условиями лидерства являются поддержка элиты, наличие программы, умения добиваться её выполнения и завоёвывать популярность в обществе [3]. Абдель-Махди, ставясь главой правительства, соответствовал только первому критерию, но под давлением протестов лишился и его. Новые обещания реформ с его стороны на фоне гибели более 150 человек в ходе столкновений уже не могли восприниматься демонстрантами положительно.

В конце октября президент страны Бархам Салех заявил, что Абдель-Махди готов оставить пост на «конституционных основаниях», а также пообещал повторные выборы после электоральной реформы, призванной снизить влияние квот¹⁰. При этом неясными остались как сроки отставки премьера, так и перспективы поддержки реформы в парламенте. Заявления президента, таким образом, рисковали стать очередным жестом доброй воли, не имеющим шансов на воплощение из-за позиции проиранских политических сил.

Таким образом, потенциал политического насилия в Ираке оставался высоким, и беспорядки, рискующие в случае потери силовиками контроля над ситуацией или заговора в элите перерасти в переворот, будут продолжаться и повторяться, пока депривированные граждане не получат, как называл их Гарр, «средства для достижения своих социальных и материальных целей» [1, с. 404].

В этой связи электоральная реформа, если она предполагает переход от пропорциональной системы голосования к мажоритарной с небольшими округами, могла быть продуктивной. Граждане получили бы возможность выбирать не из традиционных этноконфессиональных электоральных блоков и партий, падение доверия к которым подтвердила самая низкая в пост-саддамовской истории явка на выборах 2018 г. (45 %), а из конкретных кандидатов, в том числе независимых.

Страна при этом нуждалась в решении социально-экономических проблем, так как они лежали в основе недовольства. С учётом истощения собственных ресурсов для исправления ситуации Ираку требуются значительные иностранные инвестиции в строительство инфраструктуры, жилья и

⁹ Следует отметить, что иракская Конституция предоставляла гражданам свободу собраний и предполагала стремление государства к развитию гражданского общества [6, с. 94].

¹⁰ Sattar O. Iraqi president pledges early elections while protesters call for more radical solutions // Al-Monitor: [сайт]. [01.11.2019]. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/11/iraqi-protests-barham-salih-reforms.html> (дата обращения: 01.11.2019).

несырьевые отрасли экономики. Соглашения с иностранными компаниями должны гарантировать рабочие места для иракских граждан с возможностью курсов повышения квалификации. Пока перспективным инвестициям, например, из Китая, с которым уже имелись соглашения об обмене нефти на инвестиции, мешали проблемы с безопасностью. В этой связи Ираку необходимо продолжить укреплять и консолидировать вооружённые силы, в том числе разрешить вопросы функционирования ополчения, и предпринять реальные, а не символические меры по борьбе с коррупцией, обеспечив работу независимого и прозрачного механизма контроля над расходованием бюджетных средств и выполнением госконтрактов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Причиной иракских протестов 2015–2019 гг. стало нарастание относительной депривации среди городского населения, преимущественно молодёжи, в связи с неудовлетворительным социально-экономическим положением. Ответственность за это была возложена на постсаддамовскую политическую систему, характеризующуюся распределением власти по этноконфессиональному принципу, которая виделась коррумпированной и дисфункциональной. Политическое насилие ускорил экономический спад, произошедший в 2014 г. на фоне снижения мировых цен на нефть.

Неспособность подряд двух правительств ответить на требования демонстрантов подпитывала хронический характер беспорядков в стране, а непоследовательные санкции в отношении демонстрантов в Багдаде в октябре 2019 г. привели к интенсивному и масштабному политическому насилию и радикализации призывов недовольных.

Для долгосрочного решения проблемы иракскому государству следует озаботиться снятием социально-экономических источников депривации, в частности высокой безработицы среди молодых граждан, что потребует реальных мер по борьбе с коррупцией и привлечения иностранных инвестиций для создания рабочих мест в частном секторе и развития инфраструктуры.

Эти действия помогли бы также расширить возможности государства для оказания базовых услуг, что, в свою очередь, вместе с выполнением общественного запроса на отказ от конфессионального размежевания элиты (например, путём проведения электоральной реформы), а также с дальнейшей консолидацией вооружённых сил страны (в частности, с урегулированием правового статуса шиитских иррегулярных вооружённых формирований) способствовало бы преодолению Ираком элементов государственной несостоятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют? СПб., 2005. 461 с.
2. Иванов С. М. Вооруженные конфликты в Сирии и Ираке // Обозреватель-Observer. 2017. № 3 (326). С. 14–24.

3. Ирхин Ю. В. Политическое лидерство: критерии эффективности // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2014. № 7 (3). С. 6–14.
4. Касаев Э. О. О нефтяных проектах России в Ираке // *Вестник аналитики*. 2014. № 4. С. 66–72.
5. Подцероб А. Б. Россия и кризисные ситуации вокруг Ирака, история и современность // *Вестник МГИМО Университета*. 2010. № 5. С. 163–172.
6. Сапронова М. А. Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М., 2006. 196 с.
7. Филин Н. А., Пилюян М. Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // *Власть*. 2015. Т. 23. № 2. С. 133–137.
8. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М., 2004. 480 с.
9. Jabar F. A. The Iraqi protest movement: from identity politics to issue politics // *LSE Middle East Centre papers series. Iss. 25*. London, 2018. 30 p.

REFERENCES

1. Gurr T. R. Why Men Rebel? (Russ. ed.: *Pochemu lyudi buntuyut?* St. Petersburg, 2005. 461 p.).
2. Ivanov S. M. [Armed conflicts in Syria and Iraq]. In: *Obozrevatel-ObsERVER* [Observer], 2017, no. 3 (326), pp. 14–24.
3. Irkhin Yu. V. [Political Leadership: Performance Criteria]. In: *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo* [The contours of global transformations: politics, economics, law], 2014, no. 7 (3), pp. 6–14.
4. Kasaev E. O. [On Russian oil projects in Iraq]. In: *Vestnik analitiki* [Bulletin of analytics], 2014, no. 4, pp. 66–72.
5. Podtserob A. B. [Russia and crisis situations around Iraq, history and modernity]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2010, no. 5, pp. 163–172.
6. Sapronova M. A. *Irakskaya konstitutsiya v proshlom i nastoyaschem (iz istorii konstitutsionnogo razvitiya Iraka)* [Iraqi Constitution in the past and present (from the history of the constitutional development of Iraq)]. Moscow, 2006. 196 p.
7. Filin N. A., Piloyan M. G. [Ayatollah Ali Sistani: new opportunities of the old school of Shiite religious mentorship]. In: *Vlast* [Power], 2015, vol. 23, no. 2, pp. 133–137.
8. Huntington S. Political order in changing societies (Russ. ed.: Rokityansky V. R., transl. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh*. Moscow, 2004. 480 p.).
9. Jabar F. A. The Iraqi protest movement: from identity politics to issue politics. In: *LSE Middle East Centre papers series. Iss. 25*. London, 2018. 30 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 18.09.2019

Статья размещена на сайте: 29.04.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шишлин Пётр Алексеевич – аспирант кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: butrusb@yandex.ru

Petr A. Shishlin – postgraduate student at the Department for Oriental Political Studies of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: butrusb@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Шишлин П. А. Причины и перспективы протестного движения в Ираке 2015–2019 гг. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Shishlin P. A. Reasons and prospects of the protest movement in Iraq 2015–2019. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru.